

Ло Вэньчжоу проснулся посреди ночи с колотящимся, словно барабан, сердцем. Он едва не сошел с ума, пока не нащупал руку Фэй Ду, лежащую на одеяле, и только тогда наконец сумел выдохнуть.

Он вытер холодный пот со лба и посмотрел на виновника своего кошмара – лысого кота Ло Иго.

Хотя отопительный сезон уже подходил к концу, батареи еще работали на всю катушку, потому в доме было слишком тепло, и ночью дверь в спальню оставляли открытой. В любом случае при нынешнем состоянии Фэй Ду не намечалось ничего «не предназначенного для кошачьих глаз». Поэтому товарищ Ло Иго не только чинно и вальяжно вошел во внутренние покои, но и развалился во всю длину, улегшись половиной туши на грудь Ло Вэньчжоу.

Сначала Ло Вэньчжоу осторожно убрал руку Фэй Ду обратно под одеяло, затем приподнял Ло Иго и вежливо пересадил почтенного господина на прикроватную тумбочку. Хорошо еще, что сам он отличался крепким здоровьем и телосложением, иначе не далек тот день, когда босс Го, усевшись своим задом, доведет его до инфаркта.

Ло Вэньчжоу наполовину сел, приподнявшись на кровати, и с укоризной уставился на Ло Иго, которого сам же и разбудил. Однако босс Го несколько не смутился: он вцепился когтями в края тумбочки, лениво потянулся во всю длину и нагло зевнул в лицо Ло Вэньчжоу. Котьяра с довольным видом улегся обратно, ничуть не заботясь о том, что все еще числится под следствием.

Верно, Ло Иго сегодня и впрямь провинился.

Накануне вечером Ло Вэньчжоу готовил ужин. Высыпав овощи в сковороду, он обнаружил, что дома закончилось кулинарное рисовое вино. Делать было нечего, пришлось достать из винного шкафа маленький кувшинчик хуадяо(1). А потом, закрутившись на кухне, он напрочь забыл запереть винный шкаф.

В обед, беспокоясь о Фэй Ду, Ло Вэньчжоу, как обычно, позвонил домой. Но не успел он сказать и пары слов, как в трубке раздался грохот и звон, а затем что-то тяжелое упало на пол. Этот звук был Ло Вэньчжоу до боли знаком: когда он только завел кота, и еще не задумывался о мерах предосторожности, в среднем ему дважды в день приходилось наблюдать зрелище «Ло Иго разбивает кувшин(2)».

На этот раз Ло Иго разбил не кувшин, а бутылку с вином.

Каким-то образом он открыл винный шкаф. Тонкая бутылка красного вина, стоявшая на краю, пошатнулась и пала жертвой кошачьих лап. Хотя Фэй Ду быстро убрал следы преступления, на кухне осталось еще немало улики: немного красной жидкости в щелях пола, едва заметный след лапы рядом с холодильником, который проглядел Фэй Ду, все еще источающий аромат вина ... и самое главное доказательство – хвост подозреваемого кота Ло Иго.

Хотя подозреваемый кот был выбрит наголо, все же пара клочков шерсти остались у него на голове и на самом кончике хвоста. И эти длинные волоски теперь выкрасились красным.

Ну и что с того, что улика предостаточно, а за плечами у него целая криминальная история?

В конце концов, Ло Иго уже лишился шерсти и возможности дать потомство. Он давно осознал всю тщетность бытия, и в жизни его не осталось ничего, что стоило бы лелеять в памяти. Потому он прямо перед Ло Вэньчжоу нагло вылизал свой большой хвост, совершенно игнорируя угрозу со стороны уборщика какашек.

Ло Вэньчжоу: ...

Тут Ло Вэньчжоу оказался бессилён. Поэтому, выбросив его из головы, снова лег и посмотрел на Фэй Ду в тусклом свете.

Фэй Ду дышал спокойно и ровно, уткнувшись половиной лица в подушку. Закрытыми его глаза казались ещё более выразительными, а мягкие пряди волос свободно ниспадали на подбородок. Сейчас он не казался ни властным, ни хитрым, просто мирно спящим красивым мужчиной.

Глядя на его безмятежное лицо, трудно было представить, через что ему пришлось пройти, и что успел совершить.

Сонливость Ло Вэньчжоу вдруг как рукой сняло. Отодвинув несколько прядей с шеи Фэй Ду, он увидел, что жуткий кровоподтек почти сошел и остались только бледные следы. Некоторое время он смотрел на них, а затем не удержался и нежно провел кончиками пальцев по коже.

Видимо, шея Фэй Ду была слишком чувствительной, и он, слегка дернувшись, перевернулся на бок. Ло Вэньчжоу испугался, что тот начнет ворочаться во сне и потревожит ещё не до конца зажившую лодыжку, поэтому быстро притянул мужчину к себе и заключил в объятия.

Казалось, Фэй Ду немного пришел в себя, но так и не проснулся до конца. Он лишь сонно похлопал его по руке, затем, склонив голову, поцеловал в шею.

И снова затих.

Этот негодник Фэй Ду даже в полусне играючи применял на нем всевозможные нежные уловки, то и дело осыпая лаской. Его поцелуй так взбудоражил Ло Вэньчжоу, что кровь в жилах забурилась с космической скоростью, словно стремилась вырваться за пределы земного притяжения.

Жаль, в этот момент он мог только обнимать Фэй Ду, смотреть в потолок и размышлять о жизни, «сгорая» в одиночестве.

Как раз, когда он был близок к созданию собственной философии, Ло Вэньчжоу вдруг кое-что понял. Он повернул голову и взглянул на маленький будильник на прикроватной тумбочке: светящиеся стрелки показывали пять утра. По идее, Фэй Ду уже должен был проснуться сам, в это время его и без того чуткий сон становился совсем неглубоким. Почему же сегодня он спал так крепко?

Обычно такое случается, когда Фэй Ду болен, или...

В течение дня он пил алкоголь или кофе.

У Фэй Ду был особенный организм: немного алкоголя или кофе помогали ему взбодриться и прояснить голову. Но, если он не выпивал ещё хотя бы чашечку, этот кратковременный прилив сил тут же проходил, и вся его прежняя энергия как будто иссякала. К вечеру его раньше обычного начинало клонить в сон, и спал он по-настоящему крепко.

Ло Вэньчжоу повернул голову в сторону Ло Иго и задумался. Ему все больше казалось все это подозрительным. Осторожно убрав руку Фэй Ду со своей талии, он тихонько выскользнул в гостиную и открыл стеклянный шкафчик с бокалами для вина. Всего внутри стояло девять бокалов разного размера, расставленные в три ряда. Ло Вэньчжоу перебрал их по очереди,

внимательно осматривая, и, наконец, в самом дальнем углу обнаружил на ободке одного из бокалов высохший след влаги.

Ло Вэньчжоу: ...

Фэй Ду стащил вино из незапертого шкафчика и выпил. Мало того - попытался замести следы, так еще и сделал вид, будто во всем виноват кот!

А президент Фэй растет на глазах.

Так что в то утро оклеветанный Ло Иго получил от «властей» компенсацию - целую упаковку «Вискаса», а настоящий зачинщик подвергся домашнему допросу.

— Скажи мне правду, — попросил Ло Вэньчжоу.

Фэй Ду неспешно положил листик салата на полоску бекона и свернул его в рулетик:

— Я не говорил неправду.

Ло Вэньчжоу потерял дар речи.

Так и есть, услышав шум по телефону, он сам спросил: «Этот проклятый кот опять что-то разбил?» А Фэй Ду ответил: «Похоже, ты забыл запереть винный шкаф». В его словах не было ни капли лжи.

Фэй Ду подцепил палочками рулетик бекона и отправил в рот Ло Вэньчжоу:

— Всего полбокала. Мне нужно было уладить кое-какие дела в компании.

— Никакого курения, никакого алкоголя, никаких пирожных с яичным кремом. Что ты мне обещал? — сказал Ло Вэньчжоу.

— Я был неправ, — послушно признал вину Фэй Ду.

«Дом - не место для споров» - таков был основной принцип президента Фэя. Стоило случиться хоть какому-нибудь пустяку, и Фэй Ду тут же первым признавал вину, говорил ласковые слова и старался сгладить углы... А раскаивался он после или нет, это уже как придется.

Ло Вэньчжоу равнодушно подумал: «Следующая фраза точно будет: «Шисюн, я люблю тебя»».

— Наказывай меня, как хочешь, но полбокала - это всего лишь двести миллилитров. Злиться из-за такого - слишком суровая мера, не находишь? — лукаво ответил Фэй Ду.

Ло Вэньчжоу: ...

Так он еще и регулярно прокачивает свои приемчики!

Фэй Ду скользнул взглядом по широкому вороту пижамы Ло Вэньчжоу. Налюбовавшись на четко очерченные ключицы и мускулы, он заглянул глубже и облизнулся:

— Могу предоставить особые услуги, красавчик.

Собрав всю свою волю в кулак, Ло Вэньчжоу прогнал его:

— Проваливай!

Будучи мужчиной, отказавшимся от низменных помыслов, Ло Вэньчжоу залпом выпил стакан холодной воды и придумал «отличный» план, вдохновленный его детской травмой: написание самоанализа.

— Как минимум тысяча иероглифов, от руки, — сказал Ло Вэньчжоу, переобуваясь и собираясь на работу. — Прочитаешь вслух перед ужином.

— ... тысяча иероглифов за двести миллилитров? — непонимающе переспросил Фэй Ду.

— Дело не только в этих двухстах миллилитрах, — Ло Вэньчжоу на мгновение замолчал, лицо его стало серьезным. Он обернулся и пристально посмотрел на Фэй Ду. Ему хотелось сказать: ты скрывал от меня, что находился под подозрением; ты нарочно провоцировал Фань Сьюаня, и в результате тебя избили до полусмерти; я едва не потерял тебя; а еще... порой ты говоришь обидные вещи человеку, которого с таким трудом впустил в свое сердце.

Думать о таком было слишком тяжело. Ло Вэньчжоу понял, что сейчас он совершенно не готов вспоминать те события, поэтому поспешно проглотил невысказанные слова и второпях ушел.

Фэй Ду ясно почувствовал, что тот не договорил. Он на мгновение замер, затем приподнял раненную лодыжку и, опираясь на костыль, медленно побрел обратно в кабинет.

Ло Вэньчжоу сказал это не всерьез и к вечеру, вернувшись с работы, уже напрочь обо всем забыл... пока не увидел, как Фэй Ду достает два листа писчей бумаги.

«Фэй Ду» и «написание самоанализа» - это два абсолютно не связанных между собой понятия(3). Листы бумаги были сплошь исписаны аккуратным каллиграфическим почерком, а в каждой черточке ощущался напор. С виду написанный текст точно превышал тысячу иероглифов. Сбитый с толку Ло Вэньчжоу потянулся за листами:

— Ты правда...

Фэй Ду отвернулся, слегка отстранившись:

— Ты ведь просил меня прочитать вслух? Садись.

Ло Вэньчжоу и Ло Иго, сидевшие бок о бок на диване, растерянно переглянулись.

Фэй Ду заложил одну руку за спину и слегка поклонился, будто готовясь выступить на сцене. Хотя он стоял на одной ноге, это несколько не мешало ему выглядеть очень непринужденно и элегантно. Затем он вытащил спрятанную за спиной полураспустившуюся красную розу и прикрепил ее к вороту Ло Вэньчжоу.

Ло Вэньчжоу: ...

Он уже догадывался о содержимом этого «самоанализа», однако все еще не мог поверить, что этот бесстыдник по фамилии Фэй действительно решил зачитать его вслух.

Но президенту Фэю и в самом деле был неведом стыд.

Фэй Ду прочистил горло и, ничуть не смущаясь, прямо на глазах у озадаченного Ло Иго начал читать вслух свое любовное послание, названное «самоанализом»:

— В моем сердце сонмы цветов поднимают лики навстречу палящему солнцу...

— Фэй Ду, тебе не стыдно? Ты совсем рехнулся?

— ...ароматнее всех вин запах...

— Паршивец, я велел тебе написать самоанализ, а ты решил поиздеваться надо мной? Думаешь, я не найду на тебя управу?!

— ... горячий... Эй, благородный человек сражает словом, а не силой...

Ло Вэньчжоу, покрывшийся мурашками, унес этот слащавый болезненный росток Фэй Ду обратно в спальню. А Ло Иго прижал к себе покрытый остатками шерсти хвост и некоторое время жевал его. Кот наострил уши и прислушался к доносившимся из спальни смеху и мольбам о прощении, продолжая созерцать тщетность бытия в компании своего облезлого хвоста. В моем сердце сонмы цветов

поднимают лики навстречу палящему солнцу,

Ароматнее всех вин запах горячий,

что разлился в груди у чучела.

И дух, сплетенный из соломы, отныне будет жить вечно.

1. 香露 (хуадяо) – это разновидность шаосинского рисового вина (糯米酒), одного из самых известных традиционных китайских алкогольных напитков, родом из города Шаосин (провинция Чжэцзян). Вино получило название из-за декоративной резьбы или орнаментов на глиняных кувшинах, в которых его традиционно хранили. Крепость выдержанного рисового вина с насыщенным, слегка сладковатым, ореховым вкусом и характерным ароматом обычно составляет около 14-18%. Этот сорт обычно подаётся к столу или дарится, а не используется в кулинарии, поскольку оно слишком ароматное и ценное по сравнению с обычным рисовым вином.

2. «Ло Иго разбивает кувшин» – шуточное прозвище проделок кота, отсылающее к известной китайской притче о Сыма Гуане, который спас ребёнка, разбив кувшин с водой. В отличие от героического поступка, здесь речь идёт о кошачьем хаосе и случайных разрушениях.

3. 风马牛不相及 (fēng mǎ niú bù xiāng jí) – буквально переводится как «ветер, лошадь и корова никак не связаны» и используется в значении «совершенно не иметь отношения друг к другу», «быть абсолютно не связанными», то есть про вещи или понятия, которые никак не соприкасаются и не имеют общей точки.

<http://bllate.org/book/12932/1135266>